10 ИЮН 1977

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

люди искусства

ТВОРЧЕСКАЯ ЗРЕЛОСТЬ

Л. ИВЧЕНКО

За дверью с табличкой «Директор» навстречу поднялся крупный русоволосый мужчина, так хорошо знакомый по спектаклям, театральным афишам, телевизионным передачам. Виргилиюс Норейка, народный артист СССР, один из лучших теноров страны. Граф Альмавива, Ленский, Хозе, Герцог, Пинкертон — в каких только образах не представал он перед нами! Ведущий солист Государственного академического театра оперы и балета Литовской ССР сейчас возглавил театр, в котором дебютировал, рос, стал знаменитым.

Должностных и общественных обязанностей у В. Норейки как директора и художественного руководителя великое множество. Иные почитатели его таланта удивлены: зачем, дескать, это прославленному певцу? Не удержалась и я от не совсем тактичного вопроса.

— Я получаю более широкие возможности для творчества: одно дело подготовить только свою партию, другое — весь художественный процесс в театре. Уровень режиссуры, музыкальной и певческой культуры говорит о вкусе художественного руководителя. Я отдаю этому свое время, силы, опыт. Я люблю свой театр, коллектив и готов работать без выходных, чтобы еще выше поднять уровень его оперного искусства.

У нас и сейчас очень хорошая труппа, немало одаренных певцов, таких, как народный артист СССР И. Стасюнас, народный артист республики Э. Канява, народная артистка СССР Н. Амбразайтите и другие. Но оперный спектакль немыслим без слаженной деятельности всех служб театра.

Я придаю очень большое значение вокальным данным певца, потому что без актера оперная сцена еще может существовать, а вот при безголосых певцах — нет. Однако солист все же должен уметь играть, двигаться по сцене, должен владеть выразительным жестом. Стремиться к этому нужно, но надо помнить, что не все мизансцены удобны для певцов. А какой-нибудь остроумный режиссерский трюк может просто отвлечь внимание публики от красоты музыкального образа. Во всем нужна мера. В этой связи мне хотелось бы сказать о неоправданном увлечении некоторых театров сценическими эффектами, модой в трактовке классики. Когда я вижу, как в одной из зарубежных постановок «Кармен» въезжают на сцену мотоциклы или в «Травиате» разговаривают по телефону, я воспринимаю это как нелепость, курьез. Классика требует бережного обращения. Ни постановщик, ни актер не должны вступать в противоречие с духом эпохи, которую отражает музыка...

О самом Виргилиюсе Норейке можно много рассказывать не только как о певце, но и как о прекрасном актере. Такое уж счастливое сочетание чистого, гибкого, «золотого» тембра голоса и актерского таланта. Все, кто слышал и видел В. Норейку в опере С. Прокофьева «Любовь к трем апельсинам», не могли не восхититься его Принцем. Сколько здесь оттенков настроения — то меланхолия, то радость, то безвольная отрешенность, то геройский порыв... А образ герцога Мантуанского в «Риголетто»! Обычно он предстает перед зрителем легкомысленным, беспечным, повесой. Но ведь идея оперы — обличение деспотизма. И в трактовке В. Норейки Герцог прежде всего деспот, жестокий и вероломный. По определению артиста, это «негодяй, счастливо идущий по жизни за счет горя других». Большое разнообразие интонационных оттенков позволяет певцу показать лживость, многоликость Герцога. С графиней Чепрано он галантный правитель, с Джильдой — влюбленный студент, с Маддаленой — жуирующий офицер... Самоуверенно и властно звучит знаменитая баллада Герцога («Та или эта, я не разбираю здесь, друзья»). Норейка не просто поет, он перевоплощается.

Образы В. Норейки очень разные по характеру, социальным аспектам, но всегда они убедительны и жизненно достоверны. Романтический Ленский — юноша с возвышенной, смертельно раненной душой; даже партнеры Норейки по спектаклю «Евгений Онегин» говорили, что его герой будто сошел с пушкинских страниц. Мужественный, волевой, находчивый партизан Андрюс в опере В. Кловы «Дочь» — за эту работу певцу была присуждена республиканская премия. В опере Р. Щедрина «Не только любовь» он современный деревенский парень Володя.

Я прошу артиста позволить читателю заглянуть в его «творческую мастерскую».

— Да ничего особенного... — улыбается он. — Обычное дело — поешь, играешь, один раз лучше, другой раз хуже. Многое зависит от формы, в которой находишься: лучше голос — увереннее держишься на сцене, чувствуешь себя не в форме — и играешь скованнее, потому что думаешь о вокале. К работе над ролью приступаешь уже с каким-то понятием о ней — это вроде ствола, который постепенно обрастает веточками и листьями. Учитываешь особенности партнера, приспосабливаешься к иной постановке. В Одессе, например, постановка «Риголетто» такова, что арию Герцога мне пришлось петь чуть ли не лежа!..

Подлинный успех и слава часто приходят к художнику со зрелостью. К Норейке успех пришел рано — еще в консерватории, когда он сначала стал лучшим среди студентов исполнителем романсов Чайковского, а затем был приглашен в труппу Литовского театра оперы и балета. О молодом таланте широко заговорили после Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве: на конкурсе исполнителей народных песен юноша из Литвы был удостоен золотой медали. И в вокальной столице мира Милане его заметили: во время творческой учебы в знаменитой «Ла Скала» советский певец удостоился редкой для зарубежных стажеров чести — спеть на ее сцене партию Пинкертона в опере «Мадам Баттерфляй». В голосе Норейки итальянские мастера почувствовали, по их словам, «воче пуччиниано», то есть голос для опер Пуччини, требующих особой исполнительской тонкости и артистизма. Несколько лет спустя В. Норейка вновь побывал в «Ла Скала»: на этот раз уже как участник гастролей Большого театра СССР...

Правда, удача давалась не так просто. Трудиться, по его признанию, приходилось, «как волу». Ведь голос, который сейчас специалисты характеризуют как «большой, с крепкими звонкими верхами», от природы не был сильным. Развить и укрепить его удалось большой работой. Труд и школа, по словам В. Норейки, для тенора особенно важны — чтобы дальше отодвигать верхние границы голоса. Огромную роль в его судьбе сыграла учеба у замечательного певца К. Петраускаса, которого по праву считают основоположником литовской оперы.

Наша встреча с В. Норейкой состоялась накануне его выступления в опере «Травиата», спектакль этот был посвящен памяти его учителя. Певец, несмотря на внешнее спокойствие, по-видимому, нервничал. Чувство легко объяснимое — оно от строгой взыскательности к себе, неудовлетворенности достигнутым, самокритичности. Но открылся занавес — и снова В. Норейка очаровал слушателей чистым, мягким голосом, так выразительно передававшим и любовь, и гнев, и страдание — весь сплав чувств, которым живет воплощаемый им герой. Куда девались тревога, сомнения?..

Мы продолжили беседу после спектакля. Конечно, певец устал, но о своей работе, о предстоящих концертах рассказывал все так же энергично и горячо. В. Норейка убежден, что оперные певцы не должны ограничиваться участием в спектаклях, где большую роль играет дирижер, режиссер, партнеры. Нужно петь и в концертах — тут артист может полнее проявить свою индивидуальность в выборе и в трактовке произведений.

Сам В. Норейка много работает над своим концертным репертуаром. Трудно сказать, где он сильнее — на оперной сцене или в камерных программах: здесь звучат и арии из опер, и романсы, и народные песни — фольклорные произведения в его программе всегда. Особенно любит он петь в сопровождении оркестра народных инструментов Центрального телевидения и Всесоюзного радио: «Петь с ним — для меня счастье... С этими прекрасными музыкантами, руководимыми дирижером Николаем Некрасовым, я чувствую себя особенно в «ударе» — так великолепно они играют. Очень люблю я и Оркестр народных инструментов имени Осипова».

Речь зашла о проблемах современного вокального искусства.

— Вот мы говорим — мало теноров. Да, природа на них вообще-то скупа. Но ведь и из того, что дается, боюсь, нам скоро нечего будет выбирать, — с горечью заявляет Виргилиюс Леонович. — Почему? Да потому, что микрофон уничтожает исполнителя как певца... Это относится, разумеется, не только к тенорам, но и ко всем голосам. Пение в микрофон обладает огромным преимуществом, помогая почувствовать исполнительскую интимность, которую так любит публика. Я не возражаю против интимного, микрофонного пения, и все же градация в оценках качества голоса должна быть обязательной. А оперной сцене нужны голосистые певцы. И надо помогать тем, кто развивает свой голос...

Новый трудовой день застает В. Норейку ровно в девять в его директорском кабинете. Забот разных очень много. О Вильнюсском театре оперы и балета сейчас говорят не только в городе и в республике — он в центре внимания музыкальной общественности.

— Это налагает на нас особую ответственность, — объясняет директор, — заставляет с особой взыскательностью относиться к своему творчеству. Современная действительность совершила огромные перемены во внутреннем облике наших зрителей. Как выросла их культура, музыкальная образованность, насколько тоньше стали их вкусы, глубже и разностороннее духовные запросы! Какие высокие требования предъявляют они к идейным и художественным качествам спектакля! И понимая, что интерес к театру зависит от его «продукции», мы стремимся сделать наши спектакли содержательными, интересными, полезными зрителям.

Нас прерывает телефонный звонок — уточняется участие певца в ближайшем концерте. Ждут Виргилиюса Норейку и общественные обязанности председателя Литовского театрального общества, и мероприятия по культурному шефству коллектива над селом. Вскоре в кабинете становится тесно от людей: кроме творческих, есть еще и обычные, «житейские» дела коллектива. Во все должен вникать директор. Что делать!

И Собинов был директором театра...

ВИЛЬНЮС.

Народный артист СССР В. Норейка.

Фото А. Суткуса.